

Глава 18. Госпожа просит пожаловать

—

— Мо... молодой господин?

Байлянь и Саньлэн одновременно обернулись на голос и увидели Нин Муяня, который неведомо когда возник у них за спиной.

Цинмо достал серебро и расплатился за ступку. Торговцу на радость - он мигом всё упаковал и протянул сверток Цинмо:

— Держите, молодой человек.

Байлянь поспешно произнес:

— Зачем же обременять молодого господина расходами, на самом деле не стоило...

— Вычту из твоего месячного жалованья, — отрезал Нин Муянь.

Услышав это, Байлянь тут же замолчал. А он-то гадал, с чего это вдруг такая щедрость:

— Что молодой господин здесь делает?

— Просто проходил мимо.

— О-о...

Забрав вещь, Байлянь послушно последовал за Нин Муянем. Некоторое время они шли молча, атмосфера была слегка натянутой.

Нин Муянь огляделся:

— Куда еще собираетесь зайти?

— А молодой господин? Хотите еще погулять?

Нин Муянь помедлил:

— Нет, в поместье еще есть дела.

Байлянь тут же выпалил:

— Тогда я вернусь в поместье вместе с молодым господином!

Нин Муянь слегка опешил. Он знал, как Байлянь ждал этого выходного, как хотел развеяться, и вдруг тот добровольно соглашается вернуться!

Он незаметно успокоил участившееся сердцебиение:

— Тогда идем.

Байлянь хихикнул про себя: «Отлично, удалось пристроиться к бесплатной карете, не придется возвращаться пешком».

Он радостно потянул за собой Саньлэна вслед за Нин Муянем. Хозяин и слуга по очереди сели в экипаж. Хотя карета была просторной, Цинмо сознательно устроился снаружи рядом с кучером. Внутри остались только Нин Муянь и двое: Байлянь со своим слугой.

Летом в карете не опускали занавески, и окна были гораздо шире, чем зимой. Байлянь высунул голову, наблюдая, как экипаж катит обратно по улице Чжуцяо. Сейчас здесь было еще многолюднее, чем утром; рестораны уже заполнились праздными гостями.

Саньлэну впервые довелось ехать в одной карете с Нин Муянем. Раньше он даже близко к нему не подходил, а тут, оказавшись внутри, сидел смирно, как мышка, боясь лишний раз вздохнуть. Увидев, как Байлянь всюю вертит головой в окне, он едва не лишился чувств от страха.

«Как можно вести себя так непристойно перед старшим молодым господином и не получить выговор?» — Саньлэн осторожно потянул Байляня за край одежды, желая предупредить, но увидел, что Нин Муянь, сидевший на почетном месте, тоже слегка повернулся к окну.

— На что смотришь?

Байлянь указал на лоток снаружи:

— Утром, когда мы проходили здесь, этого лотка еще не было.

— Там продают прохладительные напитки. Утром, когда ты выходил, было свежо, вот их и не было. А сейчас припекло, самое время для холодного.

Сказав это, Нин Муянь велел остановить карету. Он хотел попросить Цинмо купить чего-нибудь, но, вспомнив, что в карете есть еще люди, замялся и произнес:

— Цинмо, сходи в лавку «Шангуаньчжай» впереди, купи фруктовых сладостей для бабушки.

Цинмо отозвался со смехом:

— Сегодня пятнадцатое число, как раз старый мастер из «Шангуаньчжай» готовит сам. Старая госпожа больше всего любит их вишневое варенье, молодой господин всегда об этом помнит.

Нин Муянь, не подтверждая и не отрицая похвалы, добавил:

— Заодно купи «кэшуй» (прохладительную воду).

Цинмо не сразу понял намерения хозяина:

— Старая госпожа ведь не жалуется холодное?

Получив холодный взгляд Нин Муяня, Цинмо мгновенно сообразил:

— В «Шангуаньчжай» самый лучший кэшуй, и видов много. Какой прикажете взять, молодой господин?

Нин Муянь не ответил, лишь приподнял бровь, глядя на Байляня.

Глаза Байляня вспыхнули — Нин Муянь решил купить ему напиток! Но тут он спохватился:

— Нет, пожалуй, мне не надо.

— Почему?

Байлянь ответил:

— Боюсь, я потрачу всё свое жалованье еще до того, как его получу.

— ...

— Стоит невыносимая жара, вы все усердно трудитесь, а раз сегодня выходной – стоит немного передохнуть, чтобы потом лучше выполнять свою работу, — произнес Нин Муянь и обратился к Саньлэну: — Раз твой господин не хочет, выбери две порции для себя.

Услышав это, Байлянь тут же вклинился:

— Нет-нет! Я хочу кэшуй из папайи!

Раз хозяин угощает, как можно пренебречь его добротой?

Стесненный Саньлэн и стоявший у окна Цинмо невольно улыбнулись.

Сладости из «Шангуаньчжай» были весьма знамениты. Поговаривали, что старого мастера даже приглашали во дворец готовить для императорского юбилея, так что мастерство было бесспорным. Хотя он уже состарился и редко готовил сам, все повара в лавке были его личными учениками. Пусть они не во всём могли сравниться с учителем, вкус был схож на восемь-девять частей – только истинный знаток мог отличить подмену.

В тот день, когда старый мастер сам встал к плите, народу набежало уйма, и в лавке было особенно шумно. Цинмо отсутствовал довольно долго, и Байлянь извелся от ожидания, едва шею не вывихнул, высматривая его.

Нин Муянь хотел было усадить его на место, но посчитал это невежливым и спросил:

— Вы гуляли у храма Наньмэнь столько времени, неужели не наелись?

— Еда у храма хороша, но это ведь уличные лотки. Вкус там совсем не тот, что в больших ресторанах. У каждого места свой колорит, и даже если я сыт, я всё равно жду угощений из «Шангуаньчжай».

Нин Муянь молча покачал головой и взглянул на тонкие руки и ноги Байляня:

— Столько ешь, а роста не прибавляется.

Байлянь насупился:

— Вовсе не в росте дело! Просто у меня кость тоньше, чем у обычных людей, вот я и кажусь маленьким.

— У тебя на всё есть оправдание.

— Я лекарь, мне положено знать причину.

Саньлэн сидел рядом, и у него потели ладони от того, как Байлянь дерзил молодому господину. Он боялся, что тот разгневется. Но сегодня молодой господин вел себя странно: он явно видел, что слова Байляня колки, но будто сам напрашивался на разговор.

Ему казалось, что, когда старший молодой господин и Байлянь вместе, они оба становятся другими людьми. Один – обычно холодный и немногословный – начинает много говорить; другой – в поместье осторожный и скромный – вдруг становится небывало смелым. С чего бы это?

— Он здесь, он здесь!

Прежде чем Саньлэн успел додумать свою мысль, вернулся Цинмо с двумя коробками. В одной были сладости для старой госпожи, в другой – напитки для остальных.

Саньлэн осторожно принял коробку. Внутри, чтобы сохранить холод, лежали кусочки льда. Стоило открыть крышку, как повалил освежающий пар. Хотя все слышали о сладостях «Шангуаньчжай», никто из присутствующих, кроме Нин Муяня, их еще не пробовал.

— Господин, ваш кэшуй из папайи. Брат Цинмо, ваши ледяные шарики «бинсюэ лэньюаньцзы»*.

[*«Бинсюэ лэньюаньцзы» (冰沙) — это холодный десерт, маленькие шарики, скатанные из муки клейкого риса, с добавлением меда или фруктовых сиропов. Шарики подавались в глубокой чаше, наполненной ледяной водой, подслащенной медом или сиропом из тростникового сахара. Сверху часто добавляли мелко колотый лед.]

Байлянь радостно принял чашку, от которой веяло холодом. Увидев, что всё распределено, он с недоумением посмотрел на Нин Муяня:

— А где напиток молодого господина?

Цинмо ответил:

— Молодой господин не любит такое, я не покупал.

Байлянь хмыкнул про себя: «Такой привередливый, и как только вымахал таким высоким».

Он отхлебнул: вкус был сладким, прохладным, с густым ароматом папайи – идеальное спасение от жары. Этот кэшуй хоть и считался напитком, готовился непросто: свежие фрукты чистили, варили на медленном огне до состояния густого сиропа, фильтровали и снова уваривали, пока не получался густой фруктовый пектин. Его резали кусочками и подавали в ледяной воде. Он обладает умеренным уровнем сладости и пользуется большой популярностью. Однако из-за сложности процесса и натуральных ингредиентов цена была отнюдь не народной.

Вернувшись в поместье, Нин Муянь не пошел в сад Диму, а велел Цинмо отнести сладости в павильон Баоаньтан к бабушке. Байлянь рассудил, что тот останется там на обед.

Сам он с Саньлэном наелся до отвала, так что решил просто вздремнуть.

— О? Во дворе прибрались?

Вернувшись в Тяньмэндун, Байлянь почувствовал в комнате слабый запах извести, смешанный с ароматом солодки для отпугивания насекомых.

Саньлэн, раскладывая покупки, не удивился:

— Летом насекомых больше, чем в другие сезоны. В поместье принято посыпать комнаты

травами.

Саньлэн почесал затылок:

— Вообще-то я должен был это сделать, но раз мы уходили, видимо, кто-то из двора помог нам.

Байлянь заметил:

— У меня есть свои средства, они пахнут лучше и действуют эффективнее. Но раз уже сделали, ладно.

В деревне насекомых было куда больше, и его отец всегда использовал остатки лекарств и самодельные благовония для окуривания. Одно время у них даже бойко шла торговля этими средствами. Если бы отец не был так предан медицине, мог бы стать богатым торговцем благовониями.

При этой мысли глаза Байляня загорелись:

— Точно! Сейчас же лето! Я могу делать благовония от комаров на продажу! И тогда не придется сидеть с пустым кошельком. Саньлэн, в следующий выходной пойдём торговать к храму Наньмэнь!

Саньлэн тоже воодушевился:

— Отлично! Ваши мази такие хорошие, точно уйдут по хорошей цене. Я ещё никогда не торговал!

Байлянь рассудил:

— В свободное время будем делать всякие мелочи. Но травы для продажи нужно покупать отдельно на свои деньги, нельзя брать из запасов поместья.

Саньлэн кивнул: «Если брать травы из поместья на продажу – это нарушение семейных правил. А на свои – пожалуйста. Господин такой предусмотрительный!»

Байлянь взял купленную в долг ступку и решил припрятать её в свой шкафчик, чтобы потом отвезти отцу. Он нагнулся, открыл ящик и вдруг замер:

— Где мой нефрит?!

— Какой нефрит? — Саньлэн подбежал к нему.

У Байляня было немного ценных вещей. Помимо небольших сбережений, которые он привез с собой, он хранил в ящике у кровати всё самое важное. И там же лежал тот самый нефрит, который когда-то дал ему Нин Муянь! Когда тот спрашивал о нём, Байлянь сказал, что оставил его дома, думая, что Нин Муянь хочет забрать нефрит обратно, а на самом деле привез с собой.

Сегодня он взял с собой только половину денег. Мешочек с серебром был на месте, но завернутого в платок нефрита не было.

Байлянь почувствовал тревогу. Он думал, что в поместье Нин строгие порядки и воровства нет, тем более кто позарится на вещи простого лекаря? Раньше он с таким не сталкивался.

Саньлэн предложил:

— Господин, давайте сообщим брату Цинмо! В поместье к пропаже ценностей относятся серьезно!

Но Байлянь покачал головой:

— Не стоит, расследование может затронуть слишком многих.

Саньлэн хотел было возразить, как вдруг снаружи раздался голос служанки:

— Маленький лекарь Цзян здесь?

Байлянь вышел и увидел незнакомую девушку. Судя по одежде, она не была простой чернорабочей. Саньлэн инстинктивно прижался к Байляню. Тот вежливо спросил:

— Чем могу быть полезен?

— Наша госпожа приглашает вас.

—

<http://bllate.org/book/15039/1356178>